

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
Мюриель Барбери:

Лакомство



Элегантность ежика



Жизнь эльфов



Странная страна



Только роза



Час откровения

Мюриель
Барбери

ЧАС
ОТКРОВЕНИЯ



Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 24

Muriel Barbery
UNE HEURE DE FERVEUR
Copyright © Actes Sud – 2022
Published by arrangement
with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Риммы Генкиной

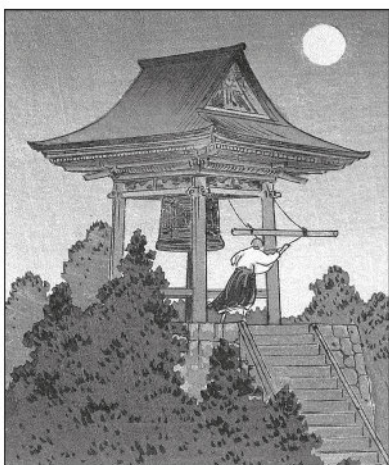
Серийное оформление Вадима Пожидаева

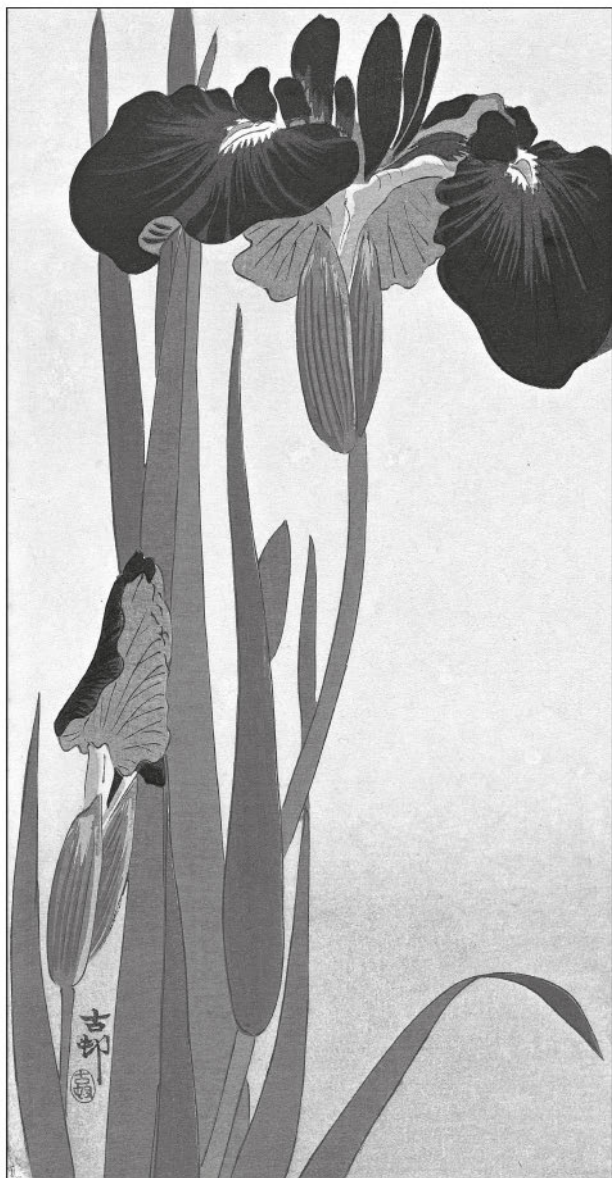
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-22342-4

© Р. К. Генкина, перевод, 2023
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

УМИРАТЬ





В час смерти Хару Уэно смотрел на цветок и думал: «Все держится на цветке». В действительности жизнь Хару держалась на трех нитях, и цветок был лишь последней из них. Перед ним простирался небольшой храмовый сад — миниатюрный пейзаж, усеянный символами. Долгие века духовных исканий, завершившиеся столь точной композицией, — это приводило его в восторг. «Какие усилия сосредоточились на поиске смысла и в конечном счете на чистой форме», — подумал он.

Ибо Хару Уэно был из тех, кто взыскует формы.

Он знал, что вскоре будет мертв, и говорил себе: «Наконец-то я воссоединюсь с предметами». Вдали гонг Хонэн-ина¹ ударил четыре раза, и от насыщенности собст-

¹ *Хонэн-ин* — буддийский храм в окрестностях Киото. — *Здесь и далее примеч. перев.*

венного присутствия в мире у Хару Уэно закружилась голова. Прямо перед ним — сад, замкнутый в побеленных известью стенах, крытых серой черепицей. В саду — три камня, сосна, покрытое песком пространство, фонарь, мох. Вдали — восточные горы. Сам храм назывался Синнё-до. На протяжении почти пяти десятилетий каждую неделю Хару Уэно проделывал один и тот же путь — шел к главному храму на холме, спускался через кладбище на склоне и возвращался ко входу в комплекс, которому пожертвовал немало денег.

Ибо Хару Уэно был очень богат.

Он вырос, наблюдая, как снег падает и тает на камнях горного потока. На одном берегу прилепился маленький родительский дом, на другом тянулся лес из высоких сосен, вросших в лед. Долгое время он думал, что его привлекает материя — скалы, вода, листва и дерево. Поняв, что всегда тяготел к формам, которые принимает эта материя, он стал покупать и продавать произведения искусства.

Искусство: одна из трех нитей его жизни.

ЧАС ОТКРОВЕНИЯ

Конечно, торговцем он стал не в одночасье — потребовалось время, чтобы перебраться в большой город и встретить определенного человека. В двадцать лет, отвернувшись от гор и от отцовской торговли sake, он покинул Такаяму и отправился в Киото. У него не было ни денег, ни связей, зато он обладал редким капиталом: пусть он не знал ничего о мире, зато знал, кто он такой. Был месяц май, и, сидя на деревянном полу, он провидел будущее с ясностью, близкой к той, какую дает sake. До него доносился шум храмового дзен-буддийского комплекса, в котором его двоюродный брат-монах договорился для него о комнате. Сила видения наложила на необъятность времени, и у Хару закружилась голова. Это видение не сообщало ни где, ни когда, ни как. Оно гласило: «Жизнь, посвященная искусству». И еще: «У меня получится». Комната выходила в крошечный тенистый садик. Солнце золотило верхушки высокого серого бамбука. Среди кустиков хосты и карликового папоротника рос водяной ирис. Один цветок, более высокий и хрупкий, чем остальные, покачивался на

ветру. Где-то прозвонил колокол. Время растеклось, и Хару Уэно стал этим цветком. Потом это прошло.

И сегодня, через пятьдесят прошедших лет, Хару смотрел на тот же цветок и удивлялся, что сейчас опять двадцатое мая и четыре часа дня. Однако одно отличие все же было: на этот раз он смотрел на цветок внутри себя. И еще: всё — ирис, колокол, сад — происходило в настоящем. И последнее, самое замечательное: в этом всепоглощающем настоящем растворялась боль. Он услышал шум за спиной и понадеялся, что его оставят одного. Подумал о Кейсукэ, который где-то ждет, когда он умрет, и сказал себе: «Жизнь сводится к трем именам».

Хару — тот, кто не хотел умирать. Кейсукэ — тот, кто не мог этого сделать. Роза — та, кто живет.

Частные покои, где находился Хару Уэно, принадлежали главному священнику храма, брату-близнецу Кейсукэ Сибата, человека, благодаря которому свершилось его предназначение. Братья Сибата происходили из старинной семьи Киото, которая с незапамятных времен поставляла городу

лакировщиков и монахов. Поскольку Кейсукэ равным образом ненавидел религию и — из-за блеска — лак, он выбрал гончарное дело, но был также художником, каллиграфом и поэтом. Примечательным во встрече Хару и Кейсукэ было то, что изначально между ними возникла чаша. Хару увидел эту чашу и понял, чем станет его жизнь. Он никогда не встречал подобного творения: глиняное изделие казалось старым и в то же время новым — сочетание, которое он раньше считал *невозможным*. Рядом на стуле развалился человек без возраста и, если только подобное выражение имеет смысл, того же разлива, что и чаша. Помимо этого, он был вдребезги пьян, и Хару нос к носу столкнулся со столь же невозможным сочетанием: с одной стороны — совершенная форма, а с другой — ее создатель, пропойца. После того как их представили друг другу, они закалили в сакке дружбу на всю жизнь.

Дружба: вторая нить, на которой держалась жизнь Хару.

Сегодня перед ним предстала смерть в виде сада, и все остальное, кроме этих

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ

двух моментов, разделенных дистанцией в полвека, стало невидимым. Облако задело вершину Даймондзи¹, волной прислав запах ириса. Он подумал: «Остались только эти два мгновения и Роза».

Роза: третья нить.

¹ *Даймондзи* — гора на северо-востоке Киото, один из символов города.

ДО





Встреча Хару Уэно и Кейсукэ Сибаты состоялась пятьдесят лет назад в доме Томоо Хасэгавы, кинорежиссера, снимавшего документальные фильмы об искусстве для национального телевидения. Хотя обычно японцы редко принимают у себя гостей, в доме Томоо можно было встретить японских и зарубежных художников и артистов, а также прочую публику, не имевшую отношения ни к художникам, ни к артистам. Сам дом походил на парусник, уткнувшийся в мшистый берег. На верхней палубе наслаждались ветром, проникавшим через окна даже в разгар зимы. Корма судна упиралась в склон холма Синнё-до. Нос указывал на восточные горы. Томоо задумал, нарисовал и построил этот дом в начале шестидесятих годов, чтобы затем открыть его для всех любителей искусства,

саке и вечеринок. Вечеринки включали в себя дружбу и смех в ночи. Искусство и саке подавались в чистом виде. Они извечно сохранялись такими, какими и были по своей природе. Ничто и никогда не могло замутировать чистоту их эфира.

Итак, вот уже почти десять лет Томоо Хасэгава царил на холме. Его называли Хасэгава-сан или То-тян, используя любовно-уменьшительное детское имя. В его доме приходили и уходили в любое время, даже в отсутствие хозяина. Его любили, мечтали ему подражать, но никто не таил на него обид. Кроме того, он обожал Кейсукэ, Кейсукэ обожал его, и, словно сговорившись, они оба обожали холод. В любое время года они бродили полуодетыми по аллеям храмового комплекса, и на заре десятого января 1970 года Хару впервые составил им компанию. В свете занимавшегося дня холм напоминал льдину, каменные фонари мерцали, в воздухе веяло кремнем и благовониями. Друзья весело щебетали в своих легких одеждах, в то время как у Хару, облаченного в плотное пальто, зуб на зуб не попадал. Однако он не обращал на это внимания, осознав, что в ледяном рассветном

ЧАС ОТКРОВЕНИЯ

воздухе чувствует себя паломником. Родительский дом находился в Такаяме, но местом, где он когда-то жил и будет жить настоящей жизнью, оказался Синнё-до. Хару не верил в предыдущие жизни, но верил в дух. Отныне он станет паломником. И будет непрестанно возвращаться к своему истинному истоку.

Синнё-до, храм, соседствовавший с другими храмами, располагался на северо-востоке города, на возвышенности, которую Хару в расширительном смысле тоже называл Синнё-до. Клены, старинные постройки, деревянная пагода, вымощенные камнем дорожки и, естественно, кладбища на вершине и на склонах холма, одно из которых принадлежало Синнё-до, а другое храму Куродани — и тому и другому Хару, когда у него появились деньги, жертвовал с равной щедростью. На протяжении почти пятидесяти лет каждую неделю он будет проходить под алым порталом, подниматься к храму, огибать его, поворачивать к югу, следуя вдоль двух кладбищ и пересекая третье, смотреть на Киото внизу, у своих ног, спускаться по каменной лестнице Куродани, прогуливаться между храмами, на-

правляясь на север, чтобы вновь оказаться в исходной точке, и каждое мгновение ощущая себя дома. Поскольку буддистом он был только по традиции, но хотел приобщиться к средоточию своей жизни, он взлелеял убеждение, что буддизм есть имя, которое в его культуре присвоили искусству или же, по крайней мере, тому источнику искусства, которое он сам называл духом. Дух был всеобъемлющ. Дух давал объяснение всему. По какой-то мистической причине холм Синнё-до воплощал его суть. Следуя по своему закольцованному пути, Хару проходил по обнаженному остову самой жизни, очищенной от всей ее похабщины, отмытой от любой пошлости. С годами он понял, что его озарения рождались из внутренней формы этого места. На протяжении веков человеческие существа соединяли здесь строения и сады, располагали храмы, деревья и фонари, и в конце концов эта терпеливая работа претворилась в чудо: меряя шагами аллеи, человек общался на «ты» с незримым. Многие приписывали этот феномен присутствию высших созданий, населяющих священные места, а вот Хару научился у камней из по-

Барбери М.

Б 24 Час откровения : роман / Мюриель Барбери ; пер. с фр. Р. Генкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 352 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-22342-4

Французская писательница и философ Мюриель Барбери стала звездой после публикации ее второго романа «Элегантность ежика» (2006) — только во Франции он разошелся тиражом более двух миллионов экземпляров, принес автору с десяток престижных литературных наград, был переведен на сорок с лишним языков, и с тех пор каждая книга Барбери лишь подтверждает ее статус королевы бестселлера.

Ее новый роман «Час откровения» и предыдущий, «Только роза», складываются в объемную картину, разомкнутую историю, чьи герои проживают свои безусловно взаимосвязанные жизни, не встречаясь ни во времени, ни в пространстве. В романе «Только роза» сорокалетняя женщина приезжала в Японию, чтобы обрести корни, потерянные с рождения, и понять незнакомого покойного отца, на протяжении всего романа оставшегося за кадром; в кадре была только Роза. В «Часе откровения» за кадром остается она, а в кадре — главный герой, отец Розы, коллекционер и торговец современным японским искусством Хару Уэно, которого неподолимая любовь к красоте еще в молодости наделила безошибочно точным взглядом на прекрасное и погнала прочь из глубинки в Киото. «Час откровения» — поэтичная, проникновенная и глубокая история Хару, его друзей (художников по профессии или в глубине души), его любви к дочери — любви на расстоянии, деликатной и неотступной, — и его постепенного неотвратимого самопознания. В декорациях Японии, где автор прожила несколько лет, — страны непостижимой и бесконечно притягательной — разворачивается тихая и пронзительная драма: в ней красота таится в наималейших мелочах, меланхолия неотделима от радости жизни, а смерть и рождение суть одно и то же.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ
ЧАС ОТКРОВЕНИЯ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной
Корректоры Валентина Гончар, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.01.2023. Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 16,39.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А



Y-ABA-31306-01-R